

Вопросы музыкальной эстетики

Научная статья

УДК 78.01

DOI: 10.56620/2782-3598.2023.3.035-046

Памяти Петра Ильича Чайковского

Композитор-философ как ключевая фигура музыкальной эстетики (на примере духовного опыта П. И. Чайковского)

Го Шаоин¹, Шао Мэнци²

^{1,2}*Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Россия*

¹*guoshaoying@163.com, <https://orcid.org/0000-0003-2811-8169>*

²*605305983@qq.com, <https://orcid.org/0009-0005-0921-427X>*

Аннотация. В фокусе научного интереса авторов — композиторы-философы и философы-композиторы как ключевые фигуры музыкальной эстетики, реализуемой в пространстве феноменологии. Изучение духовной биографии такого рода творцов позволяет приблизиться к пониманию музыки как опыту трансцендирования, являющего собой высшую ценность. Игнорирование последнего в процессе освоения музыкального искусства приводит человека к «одномерности», делая его заведомо ущербным. Напротив, погружаясь во внутренний мир композитора-философа или философа-композитора, реципиент, по сути, исследует глубины собственного Я, актуализируя диалог творца и ценителя. Критерием подлинности такого диалога и выступает трансцендирование, под знаком которого музыка предстаёт в качестве метафилософского жанра. Овладевая реализуемой за счёт музыкальных средств выразительности диалектикой бытия, человек обретает единство сущности и существования. Авторы обращаются к личности Петра Ильича Чайковского, считая правомерным рассматривать его как композитора-философа. Выстраивая систему аргументации, они направляют внимание на круг чтения великого музыканта, его культурные предпочтения и антипатии, на его учеников, одинаково полно проявивших себя в сфере философского знания и в области музыкального искусства, на произведения, отразившие философские идеи мастера. В заключение подчёркивается, что изучение творческого наследия композиторов-философов и философов-композиторов поможет преодолеть разрыв между жизнью и искусством, когда музыка, оставаясь в стороне от проживаемых человеком будней, оказывается неспособной вдохновить его на духовное бодрствование. В итоге её миссия сводится к украшению быта, что с неизбежностью приводит к примитивизации самой музыки и потребляющего её индивида.

Обращение к опыту бытия композиторов-философов и философов-композиторов позволит преодолеть этот замкнутый круг.

Ключевые слова: композитор-философ, философ-композитор, музыкальная эстетика, феноменология музыки, Пётр Ильич Чайковский

Для цитирования: Го Шаоин, Шао Мэнци. Композитор-философ как ключевая фигура музыкальной эстетики (на примере духовного опыта П. И. Чайковского) // Проблемы музыкальной науки / Music Scholarship. 2023. № 3. С. 35–46.

DOI: 10.56620/2782-3598.2023.3.035-046

Issues of Musical Aesthetics

Original article

In memory of Pyotr Ilyich Tchaikovsky

The Composer-Philosopher as a Key Figure of Musical Aesthetics (by the Example of Tchaikovsky's Spiritual Endeavor)

Guo Shaoying¹, Shao Mengqi²

^{1,2}*Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia*

¹*guoshaoying@163.com, <https://orcid.org/0000-0003-2811-8169>*

²*605305983@qq.com, <https://orcid.org/0009-0005-0921-427X>*

Abstract. The focus of the authors' scholarly interest is turned to composers-philosophers and philosophers-composers as the crucial figures of musical aesthetics realized in the space of phenomenology. The attention bestowed on such artists makes it possible to approach the understanding of music as an endeavor of transcending, which forms by itself the highest value. Neglecting the latter in the process of mastery of the art of music leads people to "one-dimensionality," making them admittedly on the decline. When immersing in the inner world of the composer-philosopher or the philosopher-composer, the recipient, essentially, studies the depths of his or her own self, actualizing the dialogue of the artist and the valuator. The criteria for the genuine character of such a dialogue is formed particularly by the process of transcending, under the sign of which music appears in the guise of a meta-philosophical genre. When mastering the dialectics of being realized by musical means of expression, the human being acquires a unity of essence and existence. The authors turn to the personality of Piotr Ilyich Tchaikovsky, considering it appropriate to examine him as a composer-philosopher. Constructing a system of argumentation, they turn their attention towards the great musician's reading circle, his cultural preferences and antipathies, his students, who manifested themselves in the sphere of philosophical knowledge and in the sphere of the art of music, as well as the musical compositions which have reflected the master's philosophical ideas. In conclusion, it is emphasized that the study of the musical legacy of the composers-philosophers and the philosophers-composers would help overcome the discontinuity between life and art, when music, remaining aside from the everyday realities experienced by the human being, turn out to be

incapable of inspiring him to spiritual wakefulness. As a result, its mission is narrowed down to adornment of everyday life, which inevitably leads to the primitivization of music itself and of the individuals consuming it. Turning to the experience of being of the composers-philosophers would make it possible to overcome this vicious circle.

Keywords: composer-philosopher, philosopher-composer, musical aesthetics, phenomenology of music, Piotr Ilyich Tchaikovsky

For citation: Guo Shaoying, Shao Mengqi. The Composer-Philosopher as a Key Figure of Musical Aesthetics (by the Example of Tchaikovsky's Spiritual Endeavor). *Problemy muzykal'noi nauki / Music Scholarship*. 2023. No. 3, pp. 35–46. (In Russ.)

DOI: 10.56620/2782-3598.2023.3.035-046

На сегодняшний день, когда всё более доминируют сформированные обществом потребления «одномерные» люди, устанавливая обязательные для всех «правила игры», попытка задуматься о месте и роли музыки в современном социуме приобретает статус насущной необходимости. Речь в данном случае не идёт о выработке совершенно нового подхода в оценке значимости музыкального искусства в жизни человека. На наш взгляд, пересмотра требуют условия, обеспечивающие оптимальное вхождение нынешних и будущих поколений в пространство музыки, которая предстаёт на уровне «инобытия человеческой самости в социокультуре»¹.

С этой точки зрения принципиальным оказывается вопрос о том, что даёт нам в этом плане музыкальная эстетика. Его значимость видится оправданной ввиду того, что «всякая новая эстетическая реальность уточняет для человека реальность этическую, ибо эстетика — мать этики; понятия “хорошо” и “плохо” — понятия прежде всего эстетиче-

ские, предваряющие категории “добра” и “зла”»². Солидаризируясь с позицией М. Маковецкой и Н. Селиверстовой, подчёркивающих, что актуальность проблемы «соотношения музыкального восприятия как семантического процесса и связи этого процесса с иными процессами нашего внутреннего опыта... выводит нас к иной области музыкальной эстетики, а именно к феноменологии музыкально-эстетического опыта» [1, с. 10], выскажем следующее предположение. В данном контексте ключевыми фигурами, обеспечивающими приобщение к искусству звучащей речи, могут стать композиторы-философы и философы-композиторы.

Данная точка зрения определяется фактом, согласно которому, демонстрируя наглядность процесса смыслообразования, музыка позволяет приобщиться к реализуемой посредством системы музыкальных грамматик мыследеятельности творца. Поскольку последний одновременно являет собой образец философа, его мировоззренческие установки могут послужить опорой для вступающего

¹ См.: Суханцева В. К. Музыка как мир человека (От идеи Вселенной — к философии музыки). Киев: Факт, 2000. С. 56.

² Избранные места из Нобелевской речи Иосифа Бродского.
URL: https://www.gazeta.ru/comments/2015/05/21_a_6696921.shtml (дата обращения: 05.09.2023).

с ним в диалог исполнителя или слушателя и оказать тем самым действенную помощь в овладении опытом трансцендирования как высшей духовной ценностью. Помимо этого, приобщение к философской истине композитора даст импульс к погружению в «подводную часть айсберга» (имеется в виду «принцип айсберга» Э. Хемингуэя, см.: [2]), позволяя по-новому услышать его художественное наследие.

Перефразируя слова А. Лосева, который признавался, что «начинает понимать философа только тогда, когда знает, какая музыка ему современна»³, считаем правомерным утверждать: понимание воплощённой в музыкальном творении мысли композитора недостижимо без представления о том, кого из философов он считал своим современником. В этом отношении богатейший материал предлагают исследования, посвящённые му-

зыкальному творчеству таких признанных философов, как А. Лосев⁴, В. Ильин⁵, Ф. Ницше⁶, П. Наторп [3; 4] и др., а также работы, раскрывающие музыкальную философию композиторов, получивших мировое признание. В числе таковых назовём публикации о Ф. Бузони [5], А. Глазунове⁷, А. Скрябине⁸, С. Танееве⁹ и др. Их творчество являет собой опыт духовного моделирования, в рамках которого аналитическая сторона музыкальной формы обеспечивает возможность материального проявления инобытийной сферы, опознаваемой на уровне её — музыкальной формы — интонационной стороны.

В качестве примера остановимся на имени композитора-философа Петра Ильича Чайковского. Основанием для подобного шага стало диссертационное исследование А. Айнбиндер, посвящённое кругу чтения композитора,

³ Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. М.: Мысль, 1991. С. 212.

⁴ Петухова-Левицкая М. И. Философская концепция музыки А. Ф. Лосева и педагогика искусства // Известия Тульского государственного университета. 2014. № 4 (1). С. 47–55; Чаптыкова Т. В. Философия музыки А. Ф. Лосева: онто-гносеологические основы: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01. М., 1998. 138 с.

⁵ Козырев А. П. Ильин Владимир Николаевич // Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2010. Т. 2. С. 96.

⁶ Аркадьев М. А. Трагедия Ницше и музыкальный идол: комментарий к музыке и проблеме // Пушкин. 2010. № 3. С. 94–97; Го Шаоин. Фридрих Ницше: философ и композитор // Музыкальная культура глазами молодых учёных: сборник научных трудов / ред.-сост. Н. Верба, научн. ред. Р. Шитикова. СПб.: Астерион, 2022. С. 84–88.

⁷ Чупахина Т. И. Панморалистические идеи философской концепции А. К. Глазунова // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 6–4. С. 103–105.
DOI: 10.18454/irj.2016.48089

⁸ Апрелева В. А. Проблема времени в философии А. Н. Скрябина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 4, ч. 3. С. 13–17.

⁹ О философии любви С. И. Танеева и преломлении космической модели мира в индивидуальном сознании композитора пишет Г. У. Аминова. См.: Аминова Г. У. Модель мира в творчестве С. И. Танеева: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01. Красноярск, 1998. 160 с.; Крылова В. Д. Духовный путь С. И. Танеева // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 5: Музыкальное искусство христианского мира. 2008. № 2 (3). С. 101–112.

а также научные штудии представителей российской гуманитаристики, в центре которых находятся духовные искания Л. Толстого и П. Чайковского¹⁰. В данном контексте определённый интерес вызывает и работа О. Девятовой, изучающей культурфилософские воззрения композитора сквозь призму «Исповеди» Л. Толстого¹¹.

Подчеркнём, что обозначенный ракурс исследования был также апробирован российским философом, принадлежащим к плеяде учёных Московского государственного университета, А. Козыревым. В конце марта 2019 года в Москве на Теоретическом семинаре сектора философских проблем Российской академии наук наш современник прочёл лекцию «П. И. Чайковский и философы»¹². Тогда на вопрос одного из участников семинара, насколько близость

Чайковского философскому мышлению отвечает его (композитора) субъективному свойству или же близости музыки и философии, А. Козырев ответил следующим образом: «Не все музыканты непременно интересуются философией, однако если такое происходит, то, безусловно, это знак горизонта творца и его кругозора»¹³.

Однако, по нашему мнению, верный ответ определяется незримой связью субъективного свойства художника и близости музыки и философии. Действительно, можно ли сомневаться в том, что Чайковский, будучи известным симфонистом, не мог не обладать философским мышлением, учитывая, что жанр симфонии представляет собой «музыкально-философскую форму отражения мироздания»¹⁴. Аналогичным образом не подвергается сомнению и то обстоятельство,

¹⁰ Айнбиндер А. Г. Личная библиотека П. И. Чайковского как источник изучения его творческой биографии: автореф. дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.02. М., 2010. 25 с.; Она же. П. И. Чайковский — читатель Л. Н. Толстого // Л. Н. Толстой и судьбы современной цивилизации. Тула, 2003. Ч. 1. С. 238–252; Блок М. С. Неизданные пометы П. И. Чайковского на публицистическом произведении Л. Н. Толстого // Яснополянский сборник: литературно-критические статьи и материалы о жизни и творчестве Л. Н. Толстого / редкол. С. Брейтбург и др. Тула: Кн. изд-во, 1955. С. 214–225; Вайдман П. Е. Чайковский и Толстой: ещё раз о встрече двух художников // Толстой — это целый мир: статьи и исследования. М.: Пашков дом, 2004. С. 144–167; Будяковский А. О творчестве и музыкально-эстетических воззрениях Чайковского. СПб.: КультИнформПресс, 2008. 351 с. и др.

¹¹ Девятова О. Л. «Исповедь» Л. Н. Толстого и культурфилософские воззрения П. И. Чайковского // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2017. Т. 23, № 2. С. 119–129.

¹² См.: Козырев А. П. П. И. Чайковский и философы: доклад. 18-е заседание теоретического семинара «Философские проблемы творчества», 28 марта 2019 года. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=2OmCSO4refY> (дата обращения: 05.09.2023). Спустя год в Доме антикварной книги на Никитском в рамках лектория Московского дома Анны Ахматовой предметом разговора А. Козырева и гостей стала тема «Симфония жизни: Чайковский и философы». URL: <https://muzeemania.ru/2020/05/07/kozyrev-chajkovskij/?ysclid=lnhvjcplvc470876844> (дата обращения 05.09.2023).

¹³ Козырев А. П. П. И. Чайковский и философы...

¹⁴ Шмакова О. В. Образно-художественный аспект анализа западноевропейской симфонии // Лаборатория музыкального содержания Волгоградского гос. института искусств и культуры. URL: <http://muzsoderjanie.ru/component/content/article/6-nauchnie-publicacii/102-2011-04-05-15-23-25.html> (дата обращения: 05.09.2023).

что сонатное аллегро недоступно гению композитора, не способного постичь его диалектическую сущность. Как пишет Г. Рыбинцева, «...произведение искусства есть овеществлённая онтология, концентрированное воплощение основополагающих принципов мироустройства, точнее, тех представлений о мире, которые преобладают в общественном сознании на конкретном этапе его истории»¹⁵. И далее: «...в сфере музыки, где конкретика сведена к минимуму... мировоззренческие идеи выступают на первый план»¹⁶.

Думается, обоснованием отстаиваемой нами точки зрения служит и тот факт, что в личной библиотеке Чайковского находилось около двух десятков книг философского характера на русском и французском языках. В их числе — не только работы таких философов, как И. Кант, Ж.-Ж. Руссо, Вл. Соловьёв, Б. Спиноза, А. Шопенгауэр, Б. Чичерин и др., но и книги о философах. Я. Платек и М. Раку в «Энциклопедии Пётр Ильич Чайковский»¹⁷ упоминают работы Фуше де Карея («Лейбниц, Декарт и Спиноза»), Жана-Феликса Нуриссона («Спиноза и современный натурализм») и Рене Вормса («Нравоучение Спинозы: Исследование его принципов и его влияние в наше время»)¹⁸. Примечательно,

что и в ближний круг Чайковского входили люди, небезразличные к философии, а брат композитора Модест Ильич Чайковский выступил переводчиком работ Куно Фишера (1824–1907) — немецкого философа, апологета Гегеля. Ученик Чайковского, занимающийся у маэстро композицией — речь идёт о С. Танееве, — в своё время сделал конспект первой книги «Этики» Спинозы.

Причём известно, что старший брат Сергея Ивановича Танеева Владимир Иванович (1840–1921) помимо занятий юриспруденцией профессионально занимался философией. Сведения о его взглядах содержатся в ряде публикаций¹⁹. Безусловно, изучение трудов В. Танеева было бы небесполезным с точки зрения духовных контактов братьев, однако и сегодня, спустя чуть более ста лет со дня смерти Владимира Ивановича, «подробная и достоверная» биография «оригинального мыслителя и философа...»²⁰ отсутствует.

Другой ученик, занимавшийся у Чайковского по гармонии и обязательной инструментовке, — Рафаэль фон Кёбер (1848–1923) — также оставил о себе память потомкам в области философского знания, помимо музыкального исполнительства. Обучаясь одновременно в стенах Московской консерватории и

¹⁵ Рыбинцева Г. В. Философские аспекты музыкознания // Культурная жизнь Юга России. 2017. № 4. С. 15.

¹⁶ Там же. С. 16.

¹⁷ См.: Энциклопедия «Пётр Ильич Чайковский». URL: <https://tchaikovsky.sias.ru/> (дата обращения: 05.09.2023).

¹⁸ См.: Платек Я. М., Раку М. Г. Спиноза Бенедикт // Энциклопедия «Пётр Ильич Чайковский». URL: <https://tchaikovsky.sias.ru/articles/people/writers/spinoza/> (дата обращения: 05.09.2023).

¹⁹ Шкуринов П. С. Танеев Владимир Иванович // Философская энциклопедия: в 5 т. / под ред. Ф. Константинова. М., 1970. Т. 5. С. 181; Он же. Философские взгляды В. И. Танеева. М.: Изд-во Московского ун-та, 1962. 131 с.

²⁰ Попова М. П. И поиск длится целый век... Владимир: Нива, 2002. 177 с.

Московского университета, философский факультет которого Кёбер успешно окончил, дальнейшие занятия философией он продолжил после отъезда за границу. В Германии его наставниками выступили Куно Фишер и Эдуард фон Гартман. В итоге Кёбер получил должность профессора Токийского императорского университета. Именно он заложил в стране Восходящего солнца основы национальной философии (в европейском её понимании) и японской пианистической школы. Кёбер известен и как автор учебника по истории философии²¹.

Наконец, назовём ещё одно имя — Антона Павловича Чехова, о котором С. Булгаков некогда вспоминал как о «писателе наибольшего философского значения» после Ф. Достоевского и Л. Толстого²². И сегодня Чехов предстаёт «мыслителем и литератором экзистенциального типа, и в этом качестве он принадлежит современной философской мысли»²³. Известно, что его отношения с Чайковским были отмечены взаимной симпатией и сердечностью. Более того, как Чехова Д. Святополк-Мирский безоговорочно ставил в один ряд с Л. Тол-

стым²⁴, так и сам Чехов отводил Чайковскому место подле Толстого, признавая равновеликость масштаба обеих личностей. Знаменательно, что и для композитора, и для писателя философская истина определялась принципиальным вниманием к внутреннему духовному миру человека²⁵.

Характерно, что, помимо творчества Чехова, литературные интересы Чайковского определяли поэты, отличающиеся философским складом ума. Из представителей русской поэзии и прозы это В. Одоевский²⁶, Ф. Тютчев, А. Фет²⁷. Из зарубежных авторов — Данте и Гёте, Байрон и Мильтон. Интересно и обратное влияние. В исследовании, посвящённом «филологическим размышлениям» Чайковского, А. Климовицкий констатирует: «Художественные идеи Чайковского обнаруживаются у Белого как “концепции” музыкального мышления: его *симфонии, сюиты* — не просто названия и подзаголовки, а специфические *жанровые* [курсив автора. — Г. Ш., Ш. М.] обозначения»²⁸. Также нельзя не признать, что именно в работе, посвящённой инструментальной музыке П. Чайковского,

²¹ Говорухина М. А. Кёбер-сэнсэй и учитель Чайковский // Вестник музыкальной науки. 2015. № 4. С. 14–21.

²² Булгаков С. Н. Чехов как мыслитель // Булгаков С. Н. Сочинения: в 2 т. М.: Наука, 1993. Т. 2. С. 136.

²³ Гревцова Е. С. К вопросу о «философской судьбе» творчества А. П. Чехова // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2010. № 5. С. 5.

²⁴ Подробнее см.: Святополк-Мирский Д. П. История русской литературы с древнейших времён по 1925 год / пер. с англ. Р. Зерновой. 2-е изд. Новосибирск: Изд-во «Свиный и сыновья», 2006. 872 с.

²⁵ Гревцова Е. С. Указ. соч. С. 6.

²⁶ Князь Вл. Одоевский (1804–1869) — основатель Общества Любомудров. 1820 год — время создания первого философского общества в России.

²⁷ Русский немец А. Фет (1820–1892) выступил переводчиком книги Шопенгауэра «Мир как воля и представление».

²⁸ Климовицкий А. И. Пётр Ильич Чайковский: культурные предчувствия, культурная память, культурные взаимодействия. СПб.: Петрополис, 2015. С. 377.

советский учёный Б. Асафьев впервые использует понятие «музыкально-творческое Бытие»²⁹.

Обстоятельство, что знакомство с книгой Б. Чичерина «Наука и религия» Чайковский определяет как опыт философствования, звучит в унисон с опытом античных философов, в котором закладывались основы религиозного мировоззрения. Не случайно, как свидетельствует протоиерей А. Мень, высказываемые античными мудрецами идеи во многом способствовали подготовке человечества к принятию благой вести и в целом — Евангелия³⁰.

В отношении античной культуры Чайковский был человеком весьма образованным, это с очевидностью просматривается в переписке композитора с Великим князем Константином Романовым, Фетом, Майковым.

Аргументацией того, что Чайковский с полным правом может быть причислен к композиторам-философам, могут стать и его мысли, которыми он делился в письмах либо оставлял на полях прочитанных книг. В частности, на страницах «Этики» Спинозы, где философ рассуждает о том, что люди обращаются к идее Бога как к убежищу своего незнания, рукой Чайковского написано: «перечитать». Изучая

А. Шопенгауэра (имеется в виду книга «Мир как воля и представление»), Чайковский отвергает саму возможность не видеть в человеке ничего, кроме инстинкта, отказывая такой философии в пользе. Напротив, Вл. Соловьёв пленил композитора своим талантом и остроумием, осуществляя критику позитивизма, называящего метафизику вымыслом. В одном из писем к брату Анатолию Чайковский признаётся, что «Исповедь» Ж.-Ж. Руссо³¹ позволила ему увидеть со стороны некоторые собственные слабости³².

Очевидно, что упоминание в переписке с близкими людьми имён философов, философских течений, названий книг философского характера выдаёт в композиторе не просто дилетанта-любителя. Речь идёт о человеке, который пытается найти основания для устойчивости собственной личности. Имеется в виду характерная для России второй половины XIX века ситуация, в рамках которой Чайковский, равно как и многие представители российской интеллигенции, стоял перед необходимостью познать смысл собственного существования. Он видел трагизм своего поколения в непрерывном поиске сомневающегося художника, склонного к скептицизму и пытающегося обрести мировоззренческие

²⁹ Асафьев Б. В. Инструментальное творчество Чайковского // Асафьев Б. В. О музыке Чайковского. Л.: Музыка, 1972. С. 238.

³⁰ Мень А. В поисках Пути, Истины и Жизни. Т. 4: Дионис, Логос, Судьба: Греческая религия и философия от эпох колонизации до Александра. М.: Гуманитарно-благотворительный фонд имени Александра Меня, 2009. С. 6.

³¹ Заметим, что Ж.-Ж. Руссо был не только философом, но и композитором. Его опера «Деревенский колдун», написанная во второй половине XVIII века, рассматривается историками музыки в качестве начальной точки отсчёта французской комической оперы.

³² Козырев А. П. П. И. Чайковский и философы...

основы то в одной «философской теории», то в другой³³.

Потому вполне закономерным оказывается и то, что интенсивность занятий философией наблюдается у Чайковского в самые трудные для него годы. По мысли А. Козырева, к таковым можно отнести: 1) время философского пессимизма композитора, вызванного неудачным браком, который закончился бегством от жены, что совпало с чтением Шопенгауэра; 2) конец жизни Чайковского, отмеченный созданием опер «Иоланта», «Пиковая дама», Пятой и Шестой симфоний.

С наибольшей полнотой о духовных метаниях Чайковского свидетельствует его пристальное внимание к работам Л. Толстого «Исповедь» и «В чём моя вера?». Об авторе «Исповеди» Чайковский высказался так: «Толстой — громадный и в высшей степени симпатичный мне талант»³⁴. О наличии точек соприкосновения между писателем и композитором в сфере духовной жизни свидетельствует следующий фрагмент письма Чайковского, адресованного Н. фон Мекк: «Читали ли Вы, дорогой друг, “Исповедь” графа Льва Толстого...? Она произвела на меня тем более сильное впечатление, что муки сочинения и трагического недоумения, через которые прошел Толстой, и которые он так удивительно хорошо высказал в “Исповеди”, и мне известны.

Но у меня просветление пришло гораздо раньше, чем у Толстого, вероятно потому, что голова моя проще устроена, чем у него, и ещё постоянной потребности в труде я обязан тем, что страдал и мучился менее Толстого [разрядка автора. — Г. Ш., Ш. М.]»³⁵.

Подчеркнём, что в числе базовых мировоззренческих установок обоих гениев, выработанных в процессе непрерывного духовного напряжения, Девятова называет такие концепты, как свет веры, цель и смысл жизни, смерть и бессмертие³⁶.

Заслуживает внимания и тот факт, что Чайковский был подписан на журнал «Православное обозрение», изучал книгу Э. Ренана «Жизнь Иисуса» и др. Вторя гуманизму Спинозы и Толстого, которые не различают злых и добрых, Чайковский пишет: «По крайней мере будем снисходительны к тем, которые в слепоте своей любят зло по врождённому инстинкту. Виноваты ли они в том, что существуют только для оттенка людей избранных? Имеем ли мы право отвечать им злом на зло? Нет, мы можем только повторять вместе с Христом: “Господи! Прости им, не ведают бо, что творят!”»³⁷.

Размышляя о христианстве, Чайковский мечтательно восклицал: «О, если бы люди могли быть христианами *не только по форме, а и по сущности* [курсив наш. — Г. Ш., Ш. М.], если бы все были

³³ П. И. Чайковский — Н. Ф. фон Мекк: переписка: в 4 т. / сост., ред., коммент. П. Е. Вайдман. Челябинск: МРІ, 2007. Т. 1. С. 110.

³⁴ Цит. по: Девятова О. Л. Указ. соч. С. 119.

³⁵ П. И. Чайковский об искусстве: избр. фрагменты писем, заметок, статей / вступ. ст. М. Бонфельда. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 175–176.

³⁶ Девятова О. Л. Указ. соч. С. 127–128.

³⁷ П. И. Чайковский — Н. Ф. фон Мекк: переписка... С. 183.

проникнуты теми простыми истинами христианской морали, в которых заключается вся правда жизни!»³⁸ И затем с горечью констатировал: «Увы, того никогда не будет, ибо тогда наступило бы царство вечного и совершенного добра, а мы по самой организации своей существа несовершенные, для которых понимание добра возможно в смысле изнанки зла... Мы как бы специально для того только и созданы, чтобы вечно бороться со злом, искать идеалов, добиваться вечной правды, но никогда не достигать цели»³⁹.

Наконец, окончательным доводом, обеспечивающим возможность рассматривать Чайковского в качестве композитора-философа, служит и то обстоятельство, что его философские воззрения находят своё воплощение в творениях мастера. Достаточно сказать, что Е. Китаева анализирует оперу Чайковского «Чародейка» в аспекте «религиозно-философской православной антропологии», что даёт российскому учёному «возможность увидеть в ней отражение сложнейшей метафизики трагедийного начала»⁴⁰.

Аналогичным образом оперу «Иоланта» Я. Платек и М. Раку связывают с пантеизмом Спинозы⁴¹. В то же время строки, исполняемые восточным лекарем, раскрывают специфику трансцендентальной чувственности, о которой писали Трубецкой и Флоренский и которая определяется неразрывностью тела и духа:

Два мира — плотский и духовный —
 Во всех явлениях бытия
 Здесь слились с волею верховной
 Как неразлучные друзья.
 На свете нету впечатленья,
 Что тело знало бы одно,
 Как всё в природе, чувство зренья
 Не только в нём заключено.
 И прежде чем открыть для света
 Плотские смертные глаза,
 Нам нужно, чтобы чувство это
 Познала вечная душа.
 Когда появится сознание
 Великой истины в уме,
 Тогда возможно, властитель мощный,
 Да, тогда возможно, что желанье
 Пробудит свет в её очах.

В данном контексте весьма показательным видится следующий момент. Согласно замыслу Чайковского, опера «Иоланта» должна завершаться в кромешной тьме, погружая зрителей в так называемый божественный мрак. То обстоятельство, что в современных постановках намерение композитора игнорируется, говорит лишь об одном: попытка Чайковского пробудить театральную публику и повести её к духовному свету не находит понимания у современных режиссёров, не имеющих представления о философии композитора.

Завершая краткий экскурс в историю «взаимоотношений» философии и музыки, складывающуюся на протяжении всего творческого пути Чайковского, выскажем следующее. Пытаясь погрузиться в объективируемые посредством музыки

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Китаева Е. О. Оперы П. И. Чайковского 1880-х годов: поэтика трагического: автореф. дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.02. М., 2010. С. 14.

⁴¹ Платек Я. М., Раку М. Г. Указ. соч.

глубины внутреннего мира художника, отвечая на вопросы, которые волновали его, заставляли переживать и метаться в поисках истины, мы с неизбежностью проникаем в структуры собственного опыта и сознания, без чего невозможен диалог творца и ценителя. Его подлинность оказывается действительной исключительно тогда, когда всякое музыкальное творение предстаёт в качестве «метафилософского жанра, где “мелос” и “логос” позволяют представить метафизический синтез и демонстрируют универсальную диалектику бытия в звуках и интонациях»⁴². Вне искомого диалога (философии и музыки) музыка остаётся в стороне от жизни человека, не вдохновляя его на духовное бодрствование. В итоге миссия музыки сводится к укра-

шению быта, что с неизбежностью приводит как к примитивизации её самой, так и к примитивизации потребляющего такую музыку индивида. Думается, обращение к опыту бытия философов-композиторов и композиторов-философов как ключевых фигур музыкальной эстетики позволит преодолеть этот замкнутый круг. Подобный подход коррелирует с биографическим методом, широко известным не только в искусствознании. Однако делая ставку на философов-композиторов и композиторов-философов, мы акцентируем внимание на духовной биографии. Её знание, как представляется, будет содействовать проекции музыкального этоса в область повседневной жизни человека, уподобляя последнюю подлинному творческому акту.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Маковецкая М. В., Селиверстова Н. А. Основные стратегии концептуализации музыкального значения // *Философская мысль*. 2022. № 1. С. 1–12. DOI: 10.25136/2409-8728.2022.1.37412
2. Лазуткина О. А. Синтез литературного портрета и «принципа айсберга» в произведениях Э. Хемингуэя // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2022. № 5. С. 96–99. DOI: 10.23670/IRJ.2022.119.5.123
3. Го Шаоин. Музыкально-философские искания Пауля Наторпа // *Вестник музыкальной науки*. 2021. Т. 9, № 4. С. 127–136. DOI: 10.24412/2308-1031-2021-4- 127-136
4. Volkova P. S., Guo Shaoying, Huang Zehuan. The Small Contrapuntal Cycle in the Music of Paul Natorp // *Problemy muzykal'noi nauki / Music Scholarship*. 2022. No. 2, pp. 94–103. DOI: 10.33779/2782-3598.2022.2.094-103
5. У Сянцзэ. «Доктор Фауст» Ферруччо Бузони: черты эстетики // *Проблемы музыкальной науки / Music Scholarship*. 2022. № 3. С. 29–44. DOI: 10.56620/2782-3598.2022.3.029-044

Информация об авторах:

Го Шаоин — аспирант кафедры музыкального воспитания и образования.

Шао Мэнци — аспирант кафедры музыкального воспитания и образования.

⁴² Чухахина Т. И. Русская музыка Золотого и Серебряного веков как социально-философский феномен: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Омск, 2012. С. 8.

References

1. Makovetskaya M. V., Seliverstova N. A. Basic Strategies for Conceptualizing Musical Meaning. *Philosophical Thought*. 2022. No. 1, pp. 1–12. (In Russ.)
DOI: 10.25136/2409-8728.2022.1.37412
2. Lazutkina O. A. Synthesis of Literary Portrait and the “Iceberg Theory” in the Works of E. Hemingway. *International Research Journal*. 2022. Issue 5, pp. 96–99. (In Russ.)
DOI: 10.23670/IRJ.2022.119.5.123
3. Guo Shaoying. Musical and Philosophical Studies of Paul Natorp. *Journal of Musical Science*. 2021. Vol. 9, No. 4, pp. 127–136. (In Russ.) DOI: 10.24412/2308-1031-2021-4-127-136
4. Volkova P. S., Guo Shaoying, Huang Zehuan. The Small Contrapuntal Cycle in the Music of Paul Natorp. *Problemy muzykal'noi nauki / Music Scholarship*. 2022. No. 2, pp. 94–103.
DOI: 10.33779/2782-3598.2022.2.094-103
5. Wu Xiangze. Ferruccio Busoni’s Doktor Faust: Features of the Aesthetics. *Problemy muzykal'noi nauki / Music Scholarship*. 2022. No. 3, pp. 29–44. (In Russ.)
DOI: 10.56620/2782-3598.2022.3.029-044

Information about the authors:

Guo Shaoying — Postgraduate Student at the Department of Music Upbringing and Education.

Shao Mengqi — Postgraduate Student at the Department of Music Upbringing and Education.

Поступила в редакцию / Received: 08.09.2023

Одобрена после рецензирования / Revised: 22.09.2023

Принята к публикации / Accepted: 25.09.2023